

Е. В. ВЕРШИННИН

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.**

История русского крестьянства на колонизируемых территориях, какими являлись Урал и Сибирь в позднефеодальную эпоху, — тема, ставшая за последние десятилетия историографической традицией. Нет необходимости перечислять даже наиболее значительные работы, в том или ином аспекте раскрывающие данную тему. Определены основные этапы крестьянского заселения уральских и сибирских земель¹, сделаны подсчеты земледельческого населения для каждого из этапов и для разных районов, во многом изучены экономические и социальные характеристики жизни феодальной сибирской деревни.

Сказанное относится и к основной житнице Сибири XVII в. — Верхотурско-Тобольскому земледельческому району, слободы и деревни которого были расположены в пределах четырех уездов (Туринского, Верхотурского, Тюменского, Тобольского). Имеющиеся серьезные работы² создали фундамент надежных знаний о первоначальном заселении и сельскохозяйственном освоении Зауралья русскими. Однако сейчас требуются новые методологические подходы, что отмечается и в сибиреведческой литературе последних лет. Дальнейший поиск усредненных показателей (приблизительная численность крестьянского населения в том или ином регионе, примерный уровень эксплуатации, средние хозяйственные возможности крестьянского двора, количест-

¹ Применительно к интересующему нас периоду (XVII в.) в литературе вполне обоснованно употребляется выражение «урало-западносибирский регион». Это замечание необходимо, так как в данной статье рассматривается крестьянство исторически сложившегося Верхотурско-Тобольского земледельческого района, который невозможно искусственно разделить на Урал и Сибирь в их настоящих административных границах.

² Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889; Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972; Александров В. А. Возникновение сельской общины в Сибири (XVII век) // История СССР. 1987. № 1. С. 54—68; Старцев В. И. Крестьянское хозяйство Зауралья в XVII в. (Краснопольская и другие слободы Верхотурского уезда) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970. С. 164—176; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

во проявлений социальных конфликтов на значительном временном отрезке и т. д.) представляется малоперспективным. По верному замечанию Т. С. Мамсик, «для дальнейшего продвижения в познании закономерностей и их конкретных проявлений в заселении и социально-экономическом развитии Сибири необходимо изучение микропроцессов хозяйственного, социального, культурно-исторического планов»³. Это, естественно, предполагает сужение территориальных рамок исследования. Горизонтальные же «срезы» на хронологической шкале, «наслоившись» друг на друга, способны отразить верную картину эволюции микропроцессов, происходивших на выбранной для исследования территории в значительный исторический отрезок времени.

В настоящей статье сделана попытка с максимальной приближенностью воссоздать некоторые стороны жизни деревни Среднего Зауралья 30—40-х гг. XVII в. Это было время, когда крестьянское население между реками Турой и Нейвой составляли старожилы еще только второго — третьего поколения или новопоселенцы. Исходными моментами, благодаря которым была создана послужившая нам источником делопроизводственная документация (стб. 34 фонда Сибирского приказа ЦГАДА), явились два распоряжения властей, взволновавшие весь крестьянский мир данного района. В 1630—1631 гг. по инициативе тобольского воеводы был пересмотрен оклад пашенных и оброчных крестьян в целях его увеличения. В 1631/32 г. последовал указ из Москвы о переводе из зауральских слобод 142 крестьянских семей на постоянное жительство в Томский разряд⁴. Реакция крестьян на действия правительства в сочетании с некоторыми другими факторами создала ситуацию, исследование которой позволяет историку рассмотреть взаимоотношения местной администрации и крестьянства, правительственное и народное представления о колонизационном процессе, выявить некоторые черты общинного и семейного строя крестьян — первых «населенников» края.

События, интересующие нас, и основной источник, их отразивший, уже попадали в поле зрения ученых⁵. Тем не менее заложенная в источнике информативность кажется нам недостаточно использованной.

В 1632 г. деятели приказа Казанского дворца в Москве, тополя местных воевод с отправкой крестьянских семей в города Томского разряда, писали на Верхотурье: «И в Томский разряд

³ Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск, 1989. С. 3—4.

⁴ Шунков В. И. Указ. соч. С. 32.

⁵ Будинский П. Н. Указ. соч. с. 223; Шунков В. И. Указ. соч. С. 155—156, 158, 182, 190—191; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 144.

крестьян указано послати для того, что и без тех крестьян в Тобольском разряде пашенных крестьян и пахоты их много...»⁶. Таким образом центральные власти оценивали успехи сельскохозяйственного освоения Зауралья через полвека после похода Ермака, хотя говорить о многочисленности крестьянского населения в данном районе можно было лишь в сравнении с более восточными территориями.

История основания первых слобод и сельских поселений в Верхотурском и Туринском уездах в первой четверти XVII в. известна крайне плохо, что связано с московским пожаром 1626 г., уничтожившим соответствующую документацию приказа Казанского дворца. Хотя общеизвестно, что наиболее интенсивно заселялись в это время берега Нейвы, Ницы, Тагила, Туры, воссоздать колонизационный процесс во всех подробностях почти невозможно. Уже в 1643 г. при составлении доклада в Сибирском приказе не могли назвать точную дату возникновения Невьянского острога и ограничились расплывчатой фразой: «сперва после сибирского взятия»⁷. Из других источников известно, что Невьянская слобода была «устроена» около 1621 г., а в 1625 г. перенесена на новое место⁸. Более ранних данных о возникновении других слобод на территории Верхотурского и Туринского уездов мы не имеем; показательно, что и в Сибирском приказе Невьянский острог рассматривался как первое слободское поселение. В том же докладе 1643 г. содержится перечень других слобод, существовавших в начале 30-х гг. на Нейве и Нице: Ницынская (1624 г.)⁹, Верхне-Ницынская (1631/32 г.), Чубарова (1624 г.), Ирбитская (1632 г.) и Усть-Ницынская (1624 г.), принадлежавшая сибирскому архиепископу¹⁰. По-видимому, около 1625 г. возникла Тагильская слобода¹¹.

⁶ Преображенский А. А. Указ. соч. С. 72.

⁷ ЦГАДА. Ф. 214. Стб. 1673. Л. 29.

⁸ Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь, 1897. Т. VII. С. 49.

⁹ Другие названия: Яланская, Красная. После основания в 1631/32 г. Верхне-Ницынской слободы стала называться Нижне-Ницынской.

¹⁰ ЦГАДА. Ф. 214. Стб. 1673. Л. 29—30.

¹¹ Здесь необходимо сделать важное пояснение. В XVII в. большинство слобод, расположенных на территории Верхотурского, Туринского и Тюменского уездов, находилось в ведении тобольских воевод и административно принадлежало Тобольскому уезду. Поэтому источники (в том числе и наш), говорящие о крестьянах первых трех названных уездов, имеют в виду только тех из них, кто непосредственно подчинялся местным воеводским избам, а не тобольским властям. У исследователя, игнорирующего это обстоятельство, может создаться неверное представление о плотности заселения того или иного района. Например, В. И. Шунков, опираясь на достоверный источник конца XVII в., полагал, что численность всего крестьянского населения Туринского уезда равнялась 611 чел. (Шунков В. И. Указ. соч. С. 27). Между тем в 1674 г. население только трех слобод с округами (Чубаровой, Киргинской и Верхне-Ницынской), расположенных на территории Туринского уезда, но числящихся за Тобольском, включало 582 дворохозяина и 1052 их родственника муж. пола. Собственно же по Туринску в 1674 г. числились 472 крестьянина и 688 родственников муж. пола (ЦГАДА. Ф. 214.

Из перечисленных слобод с прилегающими к ним деревнями только две принадлежали Верхотурскому уезду — Тагильская и Невьянская (в 1632 г. возникла еще одна — Ирбитская). В соответствии с этим крестьянское население уезда распределялось по трем волостям: Подгородной, Тагильской и Невьянской. В 1624 г. по дозорным книгам М. Тюхина в них числились 216 крестьян-дворохозяев и 154 их родственника муж. пола¹². В Туринском уезде в начале 30-х гг. не было собственных (а не тобольских) крестьянских слобод, поэтому в документах обычно писали: «Туринская острога пашенные крестьяне». В 1624 г. здесь насчитывалось 152 двора¹³.

В 20-е гг. XVII столетия крестьянское население Верхотурского и Туринского уездов постоянно возрастало. Формировалось оно тремя путями: организованный правительством перевод крестьянских семей из европейской части страны, устройство на пашню ссыльных и «прибор» местными властями в крестьяне «вольных охочих людей», объявившихся за Уралом. Уже в наказе тобольским воеводам конца XVI в. содержится указание призывать пашенных и посадских людей, «чтоб в сибирских городах посадки наполнити и на пашню людей назвати»¹⁴. И очень скоро количество «прибранных» крестьян стало одним из основных показателей успешной деятельности того или иного сибирского воеводы (разумеется, в «пашенных» городах). Статья о «приборе» на пашню новых крестьян фигурирует, как правило, в росписи «прибылых» дел тех воевод, которые по окончании службы рассчитывали на вознаграждение. Туринский воевода С. Апухтин (1621—1624 гг.) ставил себе в заслугу увеличение числа пашенных крестьян (т. е. обязанных обрабатывать государеву десятинную пашню) на 20 чел. Верхотурские воеводы Д. Пожарский и И. Уваров (1625—1626 гг.) уверяли, что прибрали из гулящих людей в крестьяне 88 чел. (проверка, организованная по запросу из Москвы, уменьшила эту цифру до 85)¹⁵. К сожалению, остаются неизвестными подробности столь значительного увеличения количества государственных крестьян в Верхотурском уезде. Обычно успехи сибирских воевод в деле крестьянского заселения края были скромнее. Но если приток за Урал гулящих людей — потенциальных крестьян — был для властей непредсказуем, то административная мысль быстро нашла еще один способ «учинять прибыль государю»: увеличивать оклады пашенных и оброчных крестьян, уже считавшихся ста-

Стб. 885. Л. 56—58, 65—66). Ясно, что, не учитывая подобных особенностей административной структуры, невозможно верно судить о плотности заселения конкретных районов Зауралья, о степени исчерпанности фонда свободных пахотных земель, причинах вторичных миграций и т. д.

¹² Дмитриев А. А. Пермская старина. Т. VII. С. 57.

¹³ Преображенский А. А. Указ. соч. С. 72.

¹⁴ ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 2. Л. 96—96 об.

¹⁵ Там же. Стб. 457. Л. 97, 124, 142.

рожилами. Инициатором одного из первых таких увеличений выступил тобольский воевода Ф. А. Телятевский (1631—1633 гг.).

В 1631 г. были составлены дозорные книги Н. Молчанова — очередная перепись крестьянского населения Тобольского разряда. Видимо, это мероприятие и натолкнуло Телятевского на мысль пересмотреть оклады крестьян, причем в обход местной воеводской администрации. Верхотурскому и туринскому воеводам поступили распоряжения организовать в местных сельских общинах выборы «окладчиков» и отправить их в Тобольск. Довольно любопытна сама процедура состоявшегося увеличения десятинной пашни и количества посопного хлеба. Выборы в крестьянских «мирах», проходившие весной 1632 г., оформлялись документально, причем Телятевский требовал обязательной присылки этих документов в Тобольск. Предъявляя многочисленные претензии туринскому воеводе Г. Волинцеву, тобольский воевода в своей отписке в Москву не забыл упомянуть, что Волинцев крестьянских «выборов» ему не прислал¹⁶. Телятевский не зря волновался по этому поводу: он хорошо знал, что при отсутствии документа, подтверждающего имена и полномочия крестьянских представителей, крестьяне в дальнейшем могут оспорить целесообразность его мероприятий по увеличению тягла. В этом контексте для Телятевского очевидно должностное преступление туринского воеводы: он не прислал «выборов», «норовячи крестьянам».

Выборные от крестьян Туринского и трех волостей Верхотурского уезда (15 чел.) прибыли в Тобольск, где «прибавили на себя и на товарищей своих... государевы пашни и посопного хлеба сверх старого окладу»¹⁷. Можно немного дать волю фантазии и представить сцену в съезжей избе: с одной стороны воевода со своим штатом и дозорными книгами под рукой, с другой — крестьяне, предоставляющие справки о хозяйственных возможностях того или иного двора, спорящие или соглашающиеся с администрацией. Так ли это было в действительности, сказать трудно, но в любом случае присутствие крестьянских «окладчиков» снимало с тобольских властей возможные обвинения в некомпетентности, придавало задуманному «прибыльному делу» характер реально выполнимого, позволяло ликвидировать возможность апелляции крестьянского «мира» в Москву.

Всего на крестьян трех волостей Верхотурского уезда было добавлено 44 дес. государевой пашни, а Туринского — 26 дес.¹⁸ По подсчетам В. И. Шункова, для последнего уезда надбавка

¹⁶ Там же. Стб. 34. Л. 46.

¹⁷ Там же. Л. 65.

¹⁸ Там же. Л. 65—87.

составила 15 % к основной пашне¹⁹. О масштабах увеличения окладов могут дать представление и такие цифры. Из примерно 200 крестьянских дворов Туринского уезда новому обложению подверглись 78, в Невьянской волости — соответственно 160 и 62 двора, в Тагильской — 97 и 41²⁰.

Инициатива тобольского воеводы не встретила безропотного подчинения со стороны крестьян. В данной ситуации отчетливо проявился знаменитый дуализм функций, присущий крестьянской общине (что, кстати, еще раз подчеркивает зрелость организационных форм сибирской общины уже на раннем этапе ее существования). Из содержания отписки Телятевского в Москву (1633 г.) следует, что еще до сентября 1632 г. туринский воевода Волынцев получил государеву грамоту, в которой указывалось: туринским крестьянам «для их бедности прибавочной пашни 26 десятин пахать не велено»²¹. Зная практику принятия подобных решений, можно не сомневаться, что источником данного указа явилось челобитье самых заинтересованных в нем лиц — туринских крестьян. Проводя под давлением местной администрации выборы «окладчиков» и создавая иллюзию бесконфликтного сотрудничества с воеводской властью, крестьянский мир посчитал необходимым отстаивать свои интересы в Москве. Грамота из Казанского дворца приостановила реализацию планов Телятевского. Уже розданные из казенных житниц семена под прибавочную пашню туринский воевода приказал вернуть, а сами десятины не пахать.

Тем не менее победа крестьян оказалась лишь временной. Одновременно с грамотой в Туринск был послан в Тобольск дополнительный указ, в котором Телятевскому предлагалось еще раз «высмотреть», можно ли туринским крестьянам обрабатывать прибавочные десятины «без большой тягости». Таким образом, окончательное решение вопроса осталось за тобольскими властями, а его нетрудно предугадать. Телятевский решительно настаивал, что «верхотурским и туринским крестьянам твоя государева прибавочная пашня перед прежним с прибылью пахать мочно, только б не было воеводцкой поноровки». Опровергая крестьянский тезис о «бедности», тобольский администратор приводил несколько контраргументов: 1) крестьяне «прожиточны и семьянисты» и имеют «немалую» собинную запашку; 2) крестьяне данных уездов продают по дорогой цене хлеб следующим в Сибирь торговым и промышленным людям; 3) других податей, кроме обработки десятинной пашни, «на тех крестьянах никаких нет». Что же касается ежегодной повинности по постройке речных судов, то, поясняет Телятевский, крестьянам за «судовое дело» выплачиваются деньги из казны²².

¹⁹ Шунков В. И. Указ. соч. С. 156.

²⁰ ЦГАДА. Ф. 214. Стб. 34. Л. 65—87, 115—145.

²¹ Там же. Л. 48—49.

²² Там же. Л. 50—54.

Под лаконичным пером пронизательного воеводы вырисовывается идиллическая картина крестьянского благоденствия, и только такие нерадивые администраторы, как туринский воевода Г. Волынцев, могли не замечать.

В своей обширной отписке в Москву Телятевский не раз возвращается к мысли о том, что туринский воевода «норовит» крестьянам. Увлеченный дискредитацией своего коллеги, Телятевский даже не замечает, что во многом опровергает собственный тезис, когда указывает на причину этой «пноровки» Волынцева. Оказывается, последний «сведал на себя от крестьян челобитье» и, с прохладцей относясь к идее Телятевского увеличить пашенные оклады крестьян, тем самым к ним «добрился».

Крестьянская челобитная на Волынцева, составленная зимой 1632 г. (более точной датировке не поддается), попала в Москву, была там рассмотрена и сохранилась в документации Сибирского приказа²³. Ее содержание менее всего позволяет причислить туринского воеводу к крестьянским радетелям или снисходительным администраторам. Жалобы крестьян были вызваны многочисленными «изделями», связанными с обработкой на десятинных полях, и особенно работами по выполнению городской повинности. Используя даровую силу крестьян, Волынцев решил обновить казенные постройки и укрепления острога, а заодно отстроить и воеводский двор. Неизвестно, успел ли туринский воевода узнать реакцию центральных властей на крестьянскую челобитную (он умер до февраля 1633 г.), но, несомненно, сам факт составления челобитной заставил его быть более осторожным в деле увеличения окладов.

После смерти Волынцева, видимо, 26 дес. были все же прибавлены к пашне туринских крестьян. Временно назначенный на воеводское место сын боярский М. Тюхин в 1633 г. расспрашивал старост и целовальников о количестве обработанных прибавочных десятин. Выяснилось, что крестьяне вспахали только 9 дес.²⁴

Протест против увеличения размеров десятинной пашни вызвали и крестьяне Тагильской волости. Они «приказщику Мирону Будакову в прибавочной пашне отказали, а ево, Мирона, хотели убить...»²⁵ Поведение тагильских крестьян заставило Телятевского вспомнить о трагическом событии 1626 г. в Ницынской слободе, когда крестьяне убили приказчика С. Молчанова²⁶. В своей отписке тобольский воевода настаивал на наказании тагильских крестьян, опасаясь повторения ницынских событий. Причину волнений он объяснял особым «буйным» характером сибирских первопоселенцев, от которых всегда можно

²³ Там же. Л. 1—6.

²⁴ Там же. Л. 42.

²⁵ Там же. Л. 62.

²⁶ Александров В. А. Указ. соч. С. 61—62.

Отписки Волынцева и Бояшева содержали разные данные о количестве беглых, что вызвало подозрения Телятевского. Так, верхотурский воевода писал в Москву о 60 сбежавших «от томской посылки и прибавочной пашни» крестьянах, тогда как в росписи, присланной в Тобольск, беглых оказалось 44 чел. Волынцев в одной отписке сообщал о 24 сбежавших, в другой — о 14³¹. Чтобы выяснить истину, тобольские власти затеяли скрупулезную проверку: поименные росписи туринских и верхотурских беглых крестьян сверяли с дозорными книгами 1631 г., а затем с росписью, «на кого что государевы пашни окладчики прибавили». Однако и проверка не удовлетворила Телятевского; во-первых, потому, что некоторые беглые крестьяне в дозорных книгах вообще не числились. Во-вторых, рассмотрев индивидуальное увеличение оклада для каждого из беглых, Телятевский пришел к твердому убеждению, что «от того, государь, было им збежать не от чево, потому что они объявились в дозорных книгах семьянисты и прожиточны».

Между тем сведения о беглых продолжали поступать. Если верить отпискам Волынцева, то последовательность побегов туринских крестьян была такой. Первая партия из 17 чел. бежала «безвестно» весной 1632 г., когда начали «пахать пашню под ярь». В июне общее количество беглых составляло уже 24 чел. (на них приходилось 35 дес. государевой пашни). По заверению воеводы, он «тех беглых крестьян жеребьи... велел пахать порутчиком их, а за теми крестьяны послал в погоню туринских служилых людей до верх Тагила». Интересно отметить направление погони: сам Волынцев считал, что крестьяне бежали не на восток, а обратно «к Руси». С июня по сентябрь сбежали еще семь дворохозяев, «да от старых от пашенных крестьян детей и братья и племянников 8 человек, подговоря женку у пашенного крестьянина з животы, да с ними ж побежал посадской человек Ивашко Мезеня». Причину бегства Волынцев объяснял тем, что они слышали «перевод, что по государеву указу велено ис Туринского острогу перевезть в Томский разряд на житье». Как и в предыдущем случае, воевода выслал погоню и караулы на три дороги³². Полная неудача погони, возможно, еще более усилила подозрения Телятевского. Всего, таким образом, по Верхотурскому и Туринскому уездам числилось не менее 80 беглых крестьян-дворохозяев и их родственников.

Для Телятевского, служба которого в Тобольске подходила к концу, такой итог был неутешителен. В декабре 1632 г. из Тобольска выехала комиссия в составе письменного головы А. Мартюхина, сына боярского Поливанова и подьячего Хрисанфова, имевшая задание пересмотреть верхотурских и туринских крестьян «налицо». В данном им наказе устанавливалась проце-

³¹ Там же. Л. 12—15.

³² Там же. Л. 92—94.

дура сыска: в случае подтверждения сведений о беглых Мартюхин должен был привлечь в каждой волости по 15—20 чел. (старост, целовальников и «лучших» людей) и расспросить их «порознь». Тобольского воеводу интересовало, «от чево те крестьяне збежали, от томской ли посылки или от иной какой на логи, и от ково и сколько их збежало и хто имянем збежал, и где их жены и дети и животы и хлеб стоячей и молочной. Или будет тех волостей прикащики своим воровством велели им разойтиса от томской посылки по иным деревням?»³³

Первую часть задания комиссия выполнила без особого труда. В Туринском уезде «не объявилось в досмотре» 35 крестьян, в Невьянской волости — 39, в Тагильской — 12, «а сказали про них пашенные крестьяне, их же товарищи, что они збежали». Однако, попытавшись в соответствии с наказом получить более подробные сведения о беглых, Мартюхин во всех волостях потерпел полную неудачу. Крестьяне решительно отказались явиться «к сыску» и отвечать на вопросы, причём поведение их было обусловлено позицией всей общины. Чрезвычайно интересно то, что не имевшие реальной силы тобольские ревизоры «просили у них (крестьян.— Е. В.) старост и целовальников и лутчих крестьян для сыску», т. е. апеллировали ко всему «миру», а не к его выборным представителям. Обрисованная ситуация свидетельствует, во-первых, о том, что выборные власти крестьянской общины находились под действенным контролем; во-вторых, представители воеводской администрации оказались бессильны в столкновении с мирскими организациями. Следует обратить внимание на то, что приказчики слобод в данном конфликте не сыграли, по-видимому, никакой роли. Приведенные факты вкуче с недавними исследованиями роли сословных мирских сообществ в повседневной жизни и управлении Сибири в XVII в. позволяют еще раз подчеркнуть значительную самостоятельность и активность крестьянской общины первопоселенцев при отстаивании своих интересов перед лицом государственной власти³⁴.

Тобольские сыщики в своем донесении передавали обобщенный ответ крестьян: «Сыскивать де у них про беглых крестьян не про ково и нечево, беглых де крестьян у них нет, а которые крестьяне и бегают от отцов дети и братья и племянники, а твою де государеву пашню, их жеребьи, за них пашут они, и назад приходят». Мартюхина и его спутников в слободах ожидал крайне нелюбезный прием. Решительней всех вновь были настроены крестьяне Тагильской волости. О сгустившейся атмосфере крестьянского протеста, в которой находились сыщики, можно судить по отписке Мартюхина (цитируем ее в переложении Телятевского): «А в Тагильской волости генваря в 11 день староста

³³ Там же. Л. 27.

³⁴ Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. 1986. № 1. С. 47—68.

Савка Пермитин и все тагильские пашенные крестьяне пришли миром на подворье к письменному голове к Алексею Мартюхину с товарищи и про люди и про сыск им отказали: старост и целовальников и лутчих людей для сыску вам не дадим... И их, Алексея с товарищи, лаяли матерно и хотели побить, а говорили: мы де тобольского указа не слушаем, а тот де указ не с Москвы пришел. И в подводах нам отказали, а сказывают у себя государеву жалованную грамоту, что подвод никому давать не велено...»³⁵ Заявление крестьян о том, что тобольским указам они не подчиняются, было характернейшим выражением их взглядов на политическое устройство общества, где в схеме «крестьянские миры — царь» не оставалось места для посредников — чиновников всех рангов государственного аппарата.

Телятевский в Тобольске не желал смириться с неудачей своих ревизоров. Верхотурскому воеводе был послан указ выделить Мартюхину стрельцов, при помощи которых последний должен был довести сыск до конца, а также «учинить» крестьянам наказание за оказанное сопротивление. Создается впечатление, что, при видимости подчинения, верхотурские власти в данном случае вовсе не хотели оказывать содействие Телятевскому. Ф. Бояшева можно понять: сыск, затеянный на территории его уезда, не обещал ничего, кроме неприятностей. В Тагильскую волость, где находился Мартюхин, Бояшев выслал стрелецкого сотника Чернышова и двух служилых людей — команду, явно недостаточную для наведения порядка. Имея задание обеспечить тобольской комиссии явку 15 крестьян, Чернышов «посылал» за ними, но те «его не послушали, к сыску к ним не поехали». Этим и ограничились действия «воинской» команды. Мартюхин отбыл в Невьянский острог, приглашая с собой Чернышова. Прождав сотника в Невьянской волости три дня, письменный голова был вынужден возвратиться в Тобольск.

Телятевскому пришлось удовлетвориться сведениями, которые содержались в воеводских отписках. Тем не менее он упорно настаивал на том, что увеличение пашенных окладов не могло явиться причиной побегов: «И против... их воеводских росписей, которые пашенные крестьяне написаны, будто збежали от прибавочной пашни, на многих окладчики... не прибавляли»³⁶. Уже главе Тобольского разряда нелегко было установить как достоверность самого побега, так и количество бежавших крестьян; тем более это трудно сделать современному историку.

А основания для сомнений Телятевский имел. Так, по донесению Мартюхина, встретившийся ему во время поездки бывший приказчик тагильских крестьян М. Будаков сообщил, что из волости бежали не 12 чел. (как заявляли крестьяне), а толь-

³⁵ ЦГАДА. Ф. 214. Стб. 34. Л. 109—110.

³⁶ Там же. Л. 45.

ко трое, остальные же укрывались по дальним деревням³⁷. Аналогичные факты стали известны после смерти туринского воеводы Волынцева. При возникновении Верхне-Ницынской слободы ему было указано из Тобольска отделить от туринских крестьян пятерых (из числа детей, братьев и племянников) и послать в новую слободу. Волынцев отписал, что отобранные для посылки крестьяне сбежали. Сменившему Волынцева М. Тюхину крестьяне почему-то признались, что никаких побегов не было: четверо жили в своих деревнях, а один ходил «по обещанью» к Соловецким чудотворцам. Все они заявили, что Волынцев сам не отправил их в Верхне-Ницынскую слободу³⁸.

Располагая этими сведениями, тобольские власти выдвинули версию, что крестьяне «воруют», укрывают своих детей по деревням и сообщают об их бегстве. На наш взгляд, эта версия не лишена правдоподобия. Вспомним заявление крестьян Мар-тюхину о том, что «беглых у них нет», а если и есть, то они «назад приходят». Хорошо известен принцип, при соблюдении которого правительство поощряло крестьянскую колонизацию: переселяться из тяглых дворов должны были «от отцов дети, от братьев братья, от дядей племянники». Власти настаивали на этом принципе не только при наборе поморских крестьян, желающих поселиться за Уралом, но и при внутрисибирских перемещениях. Мы уже говорили о переводе туринских крестьян в Верхне-Ницынскую слободу, причём Телятевский приказывал не давать им денежной подмоги, обычной для сибирских новых поселенцев. Воевода считал, что семьи, из которых рекрутировались крестьяне для новой слободы, достаточно «прожиточны», чтобы обеспечить своих родственников всем необходимым для заведения пашни. Осуждение Телятевского вызвали действия верхотурских властей, которые «отделяют от верхотурских и от тагильских и от невянских пашенных крестьян детей и братьев и племянников и ставят в... крестьяне с подмогою», предоставляя им к тому же льготные годы³⁹.

Помимо насильственных перемещений внутри Верхотурско-Тобольского района, ещё более разорительным для крестьян был перевод на жительство в Енисейский край. Известно, что только из Верхотурского уезда было приказано отправить в Томский разряд 100 крестьянских семей; Телятевский доносил в Москву о выбранных 80, а на место в 1633 г. прибыла 51 семья. На новом месте крестьяне оказались в бедственном положении, так как при переселении приказчики отобрали у них «всякий пашеной завод», а подмоги они нигде не получили⁴⁰.

Не вызывает сомнений, что в этих условиях какая-то часть крестьян, считавшихся беглыми, в действительности просто скры-

³⁷ Там же. Л. 111.

³⁸ Там же. Л. 7—10.

³⁹ Там же. Л. 57—58.

⁴⁰ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 102.

валась от властей по дальним заимкам и деревням. Возможно, все неприятные события (перевод в Томский разряд, увеличение тягла) крестьяне связывали с личностью Телятевского и решили временно отсидеться в лесах, пока суровый администратор не уедет из Тобольска. В пользу этого предположения говорит и то обстоятельство, что многие крестьяне сбежали, «пометав» жен, детей и внуков. Маловероятно, что крестьяне могли рассчитывать на успешный перевоз своих семей обратно за Урал (а бежали они, по сведениям властей, «к Руси»). Случаи обратных миграций крестьянского населения в XVII в. были чрезвычайно редки.

Помимо названных основных причин, вызвавших пассивный крестьянский протест, имелась еще одна, которая почему-то не упоминается в рассмотренной нами переписке тобольского и верхотурского воевод. Начиная с 1630 г. крестьяне Тагильской и Невьянской волостей обязаны были ежегодно выбирать из своей среды 12—14 чел. в «деловые люди» для Ницынского железодельного предприятия, где они составляли основную рабочую силу. Выбирать воеводская администрация рекомендовала опять же крестьянских детей и братьев или же крестьяндворохозяев, за которыми числилась небольшая десятинная пашня. В последнем случае жеребьи выбранных крестьян обязан был обрабатывать весь «мир». Оторванные от привычного сельскохозяйственного ритма жизни, «деловые люди» регулярно совершали побег с Ницынского завода⁴¹. Некоторые сведения, содержащиеся в источниках, дают основание предположить, что бежавшие с завода включались администрацией в общий список беглых крестьян. Так, в списке Бояшева на первом месте стоит невянский крестьянин Е. Кондратьев, который в 1632 г. был среди «деловых людей» и от имени своих товарищей подавал челобитную с просьбой об освобождении от работ⁴².

Показательно, что дома у Е. Кондратьева оставались жена, зять и сын. Будучи в немолодом возрасте, Кондратьев вряд ли мог «спуститься в бега» на дальние расстояния; скорее всего, он просто скрывался от «железного дела» где-то поблизости от дома.

Наша мысль о «временном» бегстве крестьян имеет и другие косвенные подтверждения. Сохранился фрагмент отписки (не датированный) Телятевского на Верхотурье, из которого явствует, что трое верхотурских крестьян были выбраны для отправки в Енисейский острог «и от тое посылки збежали». Воевода Бояшев послал на их поиски уже известного нам стрелецкого сотника Чернышова, который «их сыскал». Им указали «быть у железного дела в деловых в тех крестьян место, которые были

⁴¹ Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII веков. М., 1970. С. 337—341.

⁴² Там же. С. 338; ЦГАДА. Ф. 214. Стб. 34. Л. 98.

Распределение душ муж. пола по крестьянским дворам (1633 г.)*

Число душ муж. пола в одном дворе	Кол-во дворов		
	Туринский уезд	Невьянская волость	Тагильская волость
1	100	86	62
2	51	40	29
3	29	19	12
4	11	12	5
5	2	8	4
6	2	2	—
7	—	2	—
Всего	355	337	196

* По данным: ЦГАДА. Ф. 214. Стб. 34. Л. 115—148.

взяты от железного дела в Тунгусы...»⁴³ Быстрый и успешный сыск свидетельствует, видимо, о том, что сотник хорошо представлял, где и как искать крестьян.

О масштабах бегства (реального или мнимого) дает представление роспись крестьян Туринского уезда, Невьянской и Тагильской волостей Верхотурского уезда, составленная в Тобольске в 1632/33 г. Источники этой росписи не вполне ясны, так как в ней указаны поименно все крестьяне мужского пола, оказавшиеся «налицо», беглые и умершие⁴⁴. Всего по указанным районам числилось 86 беглых (почти все они бежали в 1632 г.), что составляло 9 % от общего крестьянского населения мужского пола. Если учесть, что в крестьянских семьях было какое-то количество малолетних детей, можно предположить, что доля сбежавших взрослых работников еще больше.

Поименная роспись дает возможность изучить темпы крестьянского заселения данных районов и формирования в них старожильческого населения. Как мы помним, Телятевский, увеличивая оклады, апеллировал к тому, что многие крестьяне «семьянисты и прожиточны». Данные таблицы свидетельствуют о том, что чуть больше половины дворов имели одну душу муж. пола, а доля дворов с тремя и более душами муж. пола была не больше 20—25 %.

О структуре крестьянской семьи можно судить лишь приблизительно, так как наш источник имеет недостатки, характерные для документов того времени: отсутствуют сведения о женщинах и не указан возраст лиц муж. пола. Поэтому невозможно различить мужчин-одиночек, супружеские пары без детей, а также семьи, состоящие из родителей с детьми жен. пола. Как

⁴³ ЦГАДА. Ф. 1111. Стб. 15. Л. 196.

⁴⁴ Там же. Ф. 214. Стб. 34. Л. 115—148.

видно из таблицы, таких дворов по Туринскому уезду было 100, по Невьянской волости — 86, по Тагильской — 62. Количество малых отцовских семей (родители с детьми муж. пола и па-сынками) соответственно равнялось 49, 42 и 23. Трехпоколен-ных отцовских семей насчитывались единицы (четыре в Невьянской волости, одна — в Тагильской и две — в Туринском уезде). Значительную долю составляли дворы, по которым указы-ны только одни братья (в Туринском уезде — 34, в Невьянской волости — 25, в Тагильской — 13 дворов). Специфика существо-вания таких дворов объясняется, безусловно, активно происхо-дившим в то время колонизационным процессом (тяглые отцы оставались в районах выхода переселенцев, а нетяглые дети пе-ремещались за Урал). В дальнейшем эти дворы могли послу-жить естественной основой для возникновения неразделенных «братских» семей.

Рассмотренные эпизоды из жизни зауральских крестьян по-зволяют сделать и более широкие обобщения. Уже первые поко-ления крестьян-новопоселенцев не могли укрыться от бдитель-ного ока царской администрации и не испытать традиционной тяжести налогового пресса. Вступая в отношения с предстиви-телями власти на новом месте, крестьяне — переселенцы из раз-ных районов — нуждались в привычном органе социальной за-щиты — общине, «мире». Складыванию общины у сибирских крестьян способствовала не только хозяйственная необходимость (совместные работы по приведению земель в культурное состоя-ние), но и «социальная». Особенностими крестьянской общины первопоселенцев были стихийность ее складывания и размы-тость территориальных границ.

Быстрые темпы правительственной, военно-служивой коло-низации вряд ли могли поддерживать у крестьян иллюзии, что за Уралом их ожидает вольная жизнь, без царя и чиновников. Крестьяне перебирались за Урал не в погоне за «волей», а в надежде найти свободные земли и лучшие возможности для хо-зяйствования.